

СОФЬЯ
СМИРНОВА

ОГОНЕК

Fiction

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С50

Автор идеи серии *Наталья Артёмова*

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Виктории Лебедевой

Смирнова С.

С50 Огонек : роман / Софья Смирнова. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с. (Из жизни благородных девиц).

ISBN 978-5-389-33037-5

Клавдинька Ракитина в свои восемнадцать лет четко знает, чего хочет от жизни. И нет, это не выйти замуж за красивого и богатого жениха, которого выбрали папаша с мамашей.

Организация народных кухонь — вот чем занят пытливый юный ум Клавдии. Для этого она познает азы бухгалтерии и народного хозяйства, ищет дружбы с единомышленниками, что так не нравится ее родителям.

Но Клавдинька полна решимости сбежать из дома в самостоятельную жизнь. Жизнь, в которой мечты не всегда исполняются.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-33037-5

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Случается так, что сойдутся двое и спорят до тех пор, пока обоим захочется выпарапать друг другу глаза. Именно в таком положении находились двое джентльменов, о которых я поведу речь.

— Прежде всего надо быть современным, — кричал один из них.

— То есть?

— Без всяких «то есть». Я говорю: прежде всего надо быть современным, а отсюда следует, что мне нужно сто тысяч...

— Отсюда еще ровно ничего не следует...

— Пойдите! Погодите! Мне нужно сто тысяч! Я пускаю их в оборот. Приобретаю другие сто тысяч. В сумме получается двести тысяч. Это ясно?

— Да позвольте...

— Позвольте, позвольте!

— Да на что вам эти двести тысяч?

— Как на что, помилуйте!

— Ну, да например. Что вы с ними делать будете?

— Двести тысяч — это штука хорошая. Это сила, понимаете ли — сила! Мне деньги нужны не для денег...

— Да что вы там рассказываете! И мужику целковый не потому нужен, что там на одной стороне вычеканен орел, а на другой пропечатано, что вот это, мол, рубль серебра. Его тоже не это пленяет...

— Нет, погодите, вы меня не поняли. Вы смотрите на деньги с материальной стороны...

— Я говорю: дайте мужику целковый...

— Нет, мы будем смотреть...

— Мужик точно так же.

— С точки зрения нравственной деньги как двигатель...

— Вот и мужик именно точно так же...

Читатель, пожалуй, вообразит, чего доброго, что тут и до драки уж недалеко. Чистейшее заблуждение. До каких бы неистовств ни доходили мои приятели на словах, личность всегда оставалась неприкосновенной. До сих пор не было примера, чтобы они чем-нибудь пустили друг в друга, хотя под руками были и книги, и фуражки, и даже пепельницы. Старший, Ипполит Аполлонович, сидел на окне, младший в испуге ходил по комнате. У Ипполита Аполлоновича было одно из тех лиц, которые в глаза не бросаются и долго в памяти не остаются. Всякого гораздо более поражал его необыкновенно коротенький пиджак, чем его обыкновенная физиономия. Можно бы заметить, пожалуй, что глаза у него сильно навывкате, но их он тщательно скрывал под синими очками. Он с достоинством носил пестрые брюки, пестрые галстуки и свои сорок пять лет. Юный собеседник его был совсем в другом вкусе. С непривычки легко было испугаться его блуждающих взглядов и свирепого выражения. Но, взглядевшись пристальнее, оставалось только пожалеть, зачем этот человек портит таким

выражением свою привлекательную, симпатичную наружность. Стоило только улыбке появиться на этом лице, и оно делалось неузнаваемо. Рот смеялся, нос смеялся, и, главное, смеялись глаза. Двадцать три года так и сказывались в каждом взгляде, в каждом движении. В минуту увлечения он не давал спуску ни стульям, ни столам. Сколько раз, услышавши грохот в комнате своего барина, неизменная его ключница, она же горничная, нянька и кухарка, Степанида, начинала охать, стонать и призывать всех святых в свидетели своей каторжной жизни. Редко пропускала она случай примолвить при виде его взлохмаченной головы: «Ишь ты, прости господи, словно со Страшного суда бежал». Могла ли Степанида уважать своего барина, когда у него было такое нечеловеческое прозвище: Басанченко-Самойленко? Никто на свете не мог разуверить ее в том, что это фамилия не жидовская, а христианская. «В старые годы так, знать, идолов звали, вот и ему, идолу, кличку такую дали». Впрочем, господин Басанченко-Самойленко и сам любил подтрунить над своей идольской кличкой. Чтобы не затруднять близких знакомых, он в письмах подписывался Жоржинькой, да скоро так и прослыл Жоржинькой. Бог ведает, все ли знали, что настоящее имя — Георгий Семенович. Зато всем было известно, что у него есть тетушка, у которой он таскает потихоньку варенье. Много анекдотов ходило про эту тетушку: как ее жид обманул — вместо собольего воротника продал заячий; как у нее мыши полторы дюжины нитяных чулок съели; как она раз сослепу приняла корову за коляску, а его, Жоржиньку, за трубочиста, и т. п. Старуха в простоте сердечной и не подозревала, что племянник прославил ее чуть не по всей столице.

Разговор между тем продолжался, но уже в более мирном тоне.

— Я, брат, думаю в каком-нибудь акционерном обществе послужить, — говорил Жоржинька. — Что ты на это скажешь?

— Давай пробовать вместе. Я тоже свою службу думаю бросить.

— Можно и вместе. Только вот что я тебе скажу. У меня шансов больше, чем у тебя.

— Это каким образом?

Вместо ответа Жоржинька порылся в боковом кармане, вытащил оттуда бумагу и поднес ее к самому носу приятеля. Ипполит развернул, посмотрел и обратил на Жоржиньку изумленные взоры.

— Что это значит?

— Это значит, что я член «общества дешевого удовольствия», или, если хочешь, акционер.

— Да, и думаешь пустить эту акцию в оборот, чтобы нажить сто тысяч. Мудрено, но выгодно.

— Какое там, к черту, сто тысяч. Номинальная цена этой бумажки — сто рублей, а теперь самое большее за нее дадут два с полтиной. Я тебе советую приобрести точно такую же.

— Нет, брат, спасибо, я лучше себе новую фуражку куплю.

— Постой, постой, не горячись. Сделай так, как я тебе говорю: вынимай из кошелька 30 р. и покупай одну акцию, одну-единственную, и той за глаза довольно.

— Да ты никак с ума сошел! Дам я 30 р. за клочок бумажки, который не стоит двух с полтиной!

— Через месяц он и двух копеек не будет стоить. А все-таки послушай дружеского совета: купи акцию.

Ипполит начал сильно таращить глаза, Жоржинька наслаждался изумлением своего друга.

— Это, видишь ли, «общество дешевого продовольствия». Об его дешевизне ты можешь судить уж по тому, что за какие-нибудь триста-четыреста рублей оно берется разорить тебя самым наилучшим образом, то есть просто, что называется, первый сорт. У кого есть лишние деньги — несите туда. Назад не вернут, не бойтесь.

— Постой. Как же ты попал в акционеры? Тоже, значит, влетел?

— Кто, я-то? Как бы не так. Я эту бумажку купил у одного любезного человека и заплатил сорок рублей. Если хочешь знать, у кого именно — изволь, у здешнего хозяина. — Жоржинька указал рукою по направлению к двери. — И цель у меня такая, чтобы чрез эту акцию попасть, так сказать, в самую директорию общества и разделить барыши пополам. А? Ты как на этот счет?

Ипполит промычал какое-то одобрение. Как только дело заходило о выгодной спекуляции, у приятелей начинался самый согласный дуэт. Жоржинька продолжал:

— По условию, прежде чем забраться в правление, надо побывать в оппозиции. Если я буду акционером, то имею полное право поднять гвалт в первом собрании. Я такую историю начну, что от меня ни крестом, ни пестом не отделаешься. Я директорам не дам покою ни днем ни ночью. Я все их старые грешки вытаску на Божий свет. Сейчас потребую отчетов. Пойдут сверки, проверки, учеты, балансы. Почему так, а не эдак? Почему эдак, а не так? А, вы не знаете! Очень хорошо, милостивый государь! Мы об этом погово-

рим в общем собрании. Да там и закатайшь какую-нибудь зажигательную речь. Разбудил акционеров — вот и пошла потасовка.

— Ну да, потасовка-то пошла, а тебе-то от этого какая польза?

— Мне-то? Да так себе. Директоры расчухают, что я за гусь, да и перетащут меня в свой лагерь. Барыши пополам.

— А если этого паче чаяния не случится?

— Не случится, так черт с ними. Пропадай мои сорок рублей. За то я им так насолю, что будут помнить Жоржиньку. Признаться сказать, я даже немножко желаю, чтобы этого не случилось. В оппозиции быть как-то приятнее. Тут жизнь кипит: партии составятся, кружки. Сначала станем говорить. Будет правая и левая. Одним словом — Англия.

Тут в дверь высунулась чья-то голова и спросила, не здесь ли барин.

— На что тебе барин?

— Да его тут какая-то барыня спрашивает.

Приятели переглянулись между собою.

Прежде всего читатель должен знать, что действие происходит на промежуточной станции одной очень почтенной железной дороги. Назовем эту станцию, положим, хоть Малиновкой. Прибавим, что она процветает, ибо тут считается несколько фабрик и заводов и отсюда же предполагают повести новую питательную линию на 60 верст в сторону. Кой-какие предварительные работы уже начаты, и заведует ими инженер-строитель, или, попросту, путеец Денис Васильевич Ракитин. В доме этого самого инженера и происходил разговор двух приятелей. Ипполит и Жоржинька являлись к нему всякий раз, как чув-

ствовала потребность почитать газеты. (Сами они их не выписывали отчасти по безалаберности, отчасти по недостатку средств.) Хозяин в этом случае, несколько не стесняясь, продолжал заниматься у себя в кабинете, а гостей предоставлял на произвол судьбы.

Теперь мы можем возвратиться к посещению интересной незнакомки. Приятели еще раз переглянулись, и наконец один из них решился крикнуть:

— Денис Васильевич!

В ответ на это хозяин явился сам. Сурово поглядывая на гостей и не выпуская из рук огромной газеты, которая закрывала его до половины, как простыня, он поинтересовался узнать, что им нужно. Это обращение было встречено как вещь очень обыкновенная. К странностям хозяина, должно быть, все уже привыкли.

— Ступайте, к вам барышня пришла.

Инженер взглянул еще суровее:

— Кто такое? Я здесь ни с какими барышнями не знаком.

— Не могу знать-с, — отрапортовал Жоржинька.

Ипполит, как любитель дамского общества, пробирался к двери, чтобы первому взглянуть на загадочную девицу. Но она так поразила его своим быстрым появлением, что он поспешил отретироваться.

— Не сердись, — заговорила молодая женщина, протягивая хозяину руку и не поднимая вуалетки. — Я слышу по голосу, что ты собираешься меня выгнать.

Потом, заметивши посторонних, она сделала общий поклон и стала торопливо снимать перчатки. Ипполит рассмотрел хорошенькую ручку; Жоржинька впился глазами в лицо вошедшей. Молодая женщина, заметив его блуждающие взоры, сделала пол-

оборот в его сторону и невольно улыбнулась. Потом продолжала, обращаясь уже к хозяину, который был заметно обрадован и удивлен:

— Ты меня не ждал, конечно. Я тебе ничего не писала, но это случилось так неожиданно, что даже для меня это сюрприз. Мы приехали сюда целой компанией, то есть я и Любочка с отцом. Я только недавно узнала, что ее дядя тут у вас на какой-то фабрике директором. Ах, какая же пыль, если бы ты знал! Посмотри, пожалуйста, на что я похожа.

С этими словами она обернулась сначала к хозяину, потом посмотрела на гостей, как бы желая узнать и их мнения.

Гости опустили глаза, понимая, что продолжать далее бесцеремонный осмотр было бы невежливо.

— Моя сестра, господа. Здесьние жители, — кратко отрекомендовал хозяин и осведомился у сестры, не желает ли она чего-нибудь закусить.

— Давай, пожалуй, я не откажусь.

Девушка откинула вуаль, прошла по комнате, сняла тальму и бросила ее на стул.

Во всех ее движениях заметна была нервная то-ропливость; она и говорила как-то отрывисто, хотя голос ее был приятный. Она была хороша собою. Смуглый, почти бронзовый цвет кожи придавал ее физиономии особенный, оригинальный оттенок. На щеках пробивалась легкая краска. Темные глаза с длинными ресницами при ярком освещении делались светлыми, почти прозрачными. Каштановые волосы с золотыми искорками были зачесаны назад и падали по плечам. По сложению ее можно было назвать скорей худошавою, чем полною женщиной, но даже и эта худоба очень шла к ней. Необыкновенно

тонкая талия и вся изящная фигура сильно говорили в ее пользу. Туалет был прост: темное репсовое платье, на котором резко отделялась золотая цепочка; высокие кожаные ботинки. Никакой отделки, ни одного бантика или ленточки.

Взглянувши на сестру и потом на брата, вы бы нашли между ними мало родственного. Общего с нею у него был только смуглый цвет лица и такие же переменчивые загадочные глаза. Далее сходство прекращалось. Он был совсем некрасив. Суровое, отталкивающее выражение лежало на этой голове с грубыми чертами, толстыми губами и коротко обстриженными волосами. Если что красило его, так это опять-таки взгляд, в котором много было сестриногo.

* * *

Давно уже приятели успели разойтись; давно убрали со стола поданную закуску. Хозяин и приезжая, которую, как оказалось, звали Клавдией, сидели в кабинете.

— Ну что? — спросила молодая девушка, когда брат ее, дочитавши какое-то письмо, положил его на стол. — Ты едешь?

— Не знаю, как позволят дела, — ответил он отрывисто и стал смотреть в сторону. Потом, как бы одумавшись, он встал с места и спросил беспокойным голосом: — Послушай, Клавдия, нет ли тут какой штуки? Не примиренье ли опять? Матушка давно об этом хлопочет. Если так... Ты им скажи, что я их всех к черту пошлю, если они будут вмешиваться в мои дела. Что они, в самом деле, воображают! Они, пожалуй, на уважение к родителям понадеются. Напрасно. Оно

тут неуместно. Да и матушке давно пора бы узнать мой характер: я церемониться не люблю. Пусть меня лучше не трогают.

Вся тирада была высказана не переводя духу, так что сестра напрасно пыталась перебить ее. Наконец был услышан и ее голос:

— Да нет же, Денис, ты ошибаешься. Хотя мне никаких домашних секретов не поверяют, но на этот раз я наверное знаю, что о твоём приезде хлопочет папа, а совсем не мама. Будь спокоен, ей теперь не до того. Ведь я тебе говорила, с какой целью тебя вызывают. Ты нужен по делу. По крайней мере, мне так кажется. Наверное, я опять-таки ничего не знаю.

— Ты наверное не знаешь, а я не желаю повторения прошлогодней комедии.

— Ах, Денис, какой ты скучный. Да пойми же ты, что я не знаю, на что именно ты нужен папа, какие у них там необыкновенные события, но могу чем угодно поручиться, что мама тут ни при чем. Есть ей когда заниматься этим? Она теперь собирается давать вечера; мало ли еще что. Могу тебя уверить, что это совсем не то, что ты думаешь.

Клавдия немножко сконфузилась. Она как будто боялась говорить ясно.

— Однако ж ехать так, на риск... Ведь я уж знаю себя. Если только заикнутся одно слово — я не выдержу. Выйдет скандал, может быть, окончательный разрыв.

— Полно! Можно так или иначе предупредить маму. С первого же разу дать ей понять... Я берусь все это устроить. — Она с самоуверенностью взглянула на него и затем прибавила: — Покажи мне письмо. Никаких тайн нет?

Увидав со стороны брата знак согласия, она протянула руку и взяла со стола письмо. Несколько минут она молча вчитывалась, потом вдруг резко прочла: «Я имею многое сообщить тебе; приезжай поскорее; у нас не совсем ладно: дела принимают скверный оборот».

— Какие дела, Денис?

— Почем я знаю! — раздражительно заметил брат, видимо, думавший совсем о другом.

Девушка между тем продолжала читать вслух, вставляя свои собственные замечания.

— «Машина развинтилась; надобно поспешить опять собрать ее. Отчаиваться не следует, но помнить, что иногда один пропавший винтик может все испортить». Как я узнаю его! Даже и в письмах-то та же самая манера, тот же слог. «Врагов пропасть, каждый день открываются новые. Но уметь пользоваться обстоятельствами — великое дело: *il nous fait gagner une cause perdue*¹. Я никогда не теряю надежды. Но русская пословица гласит, что ум хорошо, а два лучше. А потому и т. д.». Вот особенное искусство говорить много и ничего не сказать. Это чисто какая-то дипломатическая нота. Он точно боится с родным сыном говорить откровенно. Можно подумать, что дело идет о политическом заговоре.

Она взглянула исподлобья на брата. Тот ее не слушал. Досада выразилась на ее лице; она сделала невольное движение, хотела что-то сказать, но потом раздумала и снова углубилась в чтение письма. Наступила полнейшая тишина. Наконец, брат загово-

¹ Оно заставляет нас побеждать. — *Здесь и далее пер. с фр., если не указано иное.*

рил первый. Он подошел к сестре и сказал ей мягче обыкновенного:

— Не сердись на меня, Клавдия, что я встретил тебя таким бирюком. Ты меня знаешь, я всегда такой.

Она подняла на него свой грустный взгляд:

— Я не за то сержусь, Денис, что ты нынче не в духе. Это со всяким случается. Но мне досадно, конечно, что и ты заодно с ними. Вы все сговорились обманывать меня, скрывать от меня все. Ведь я уж не пятилетний ребенок.

— Заодно с кем? Обманывать в чем? — Он смотрел на нее с неприятным удивлением.

— Полноте, разве я не вижу. — Она одним нервным движением отодвинула свое кресло.

Пусть не прогневается читатель, если я тут же открою ему, что мнимое негодование Клавдии было не совсем искренно. Но оно скорее вело к цели. Нужно было выпытать от брата все, что ему известно насчет некоторого предмета. Клавдия знала, как трудно добиться от него обстоятельного объяснения, и пустилась на чисто женскую хитрость. Она взводила на него небывалые обвинения. Этим заставляла оправдываться и невольно высказываться.

— Разве я не понимаю? — продолжала она, все более и более входя в роль. — Нетрудно догадаться, что это письмо написано к человеку, который знает, в чем дело. Как иначе объяснить все эти намеки, недомолвки? И уверять меня, что он будто бы ничего не подозревает. Какая наивность! С какой стати мне будут писать о развинтившейся машине, о врагах, если я не имею понятия, что это за враги и какая это машина.

— Фу ты, черт! — Денис рассердился. — Да ты разве не знаешь своего папеньку? Ты не знаешь, что он

способен не смигнувши написать полторы страницы такой ерунды, что шесть человек будут разбирать и не разберут. Тут вся штука в том, чтобы вышло непонятно! На то только и бьют. Чего же мы тут будем о машинах толковать, когда он и сам, я думаю, не знал, зачем вклеил ее сюда? Может быть, ты видишь тут какой-нибудь намек. Сделай одолжение, растолкуй мне. Я, по крайней мере, головы ломать не стану.

Клавдия начинала успокаиваться. Брат слишком искренно сердился на ее подозрения.

— Зачем же он вызывает тебя в Москву? — продолжала она допытываться.

— Я этот вопрос давеча предлагал тебе, и ты даже сочла за нужное разубедить меня. Из твоих слов я понял, что ты лучше меня знаешь дело.

— Нет, я говорила, что ты не нужен мама, это верно. Но зачем же ты понадобился отцу — вот вопрос.

— Я от тебя получил письмо, при тебе распечатал его. Не было ли приписочки? Я ничего в карман не прятал.

— Ну, что ж из этого?

— Да то, что у кого есть здравый смысл в голове, тот поймет, что я мог прочесть только то, что написано — ни больше ни меньше. А так как ты сама все это прочла от доски до доски и даже, кажется, с большим вниманием, то думаю, что после этого смешно требовать от меня объяснений.

— Растолкуй мне, что значат эти слова: «во всяком случае Любарский поможет мне выпутаться из беды».

— Я синьора Любарского никогда не видал и не имею удовольствия знать. Тем не менее я не вижу в этих словах ничего загадочного и понимаю их именно так, как они сказаны. Советую и тебе сделать то

же самое. Вероятно, это какой-нибудь знакомый. Может быть, прекраснейший человек, а может стать, и подлец. Наверное не ручаюсь.

«Он действительно ничего не знает», — мелькнуло в голове молодой девушки, и она прибавила вслух:

— Это адвокат.

— Радуюсь за вашего адвоката.

— Ты ничего больше о нем не слыхал?

— Ничего ровно.

Клавдия бросила на него странный взгляд. У ней опять явились сомнения.

— Странно, я была уверена, что ты его знаешь.

Брат даже не поинтересовался узнать о причине такой уверенности.

— Любарский знаком с нами месяца три, не больше, — продолжала Клавдия. — Папа от него в восторге. Мама тоже.

— Ну и ты тоже?

— Я? О нет! Я не люблю людей, которые пользуются всеобщим расположением. А он из таких. В свете его почитают и уважают. Маменьки мечтают выдать за него своих дочерей. У него впереди блестящая карьера; он метит в знаменитости. Он и теперь душа общества: очень приятно поет разные романсы, вовремя умеет сказать дерзость и вовремя услужить, ну и т. д. Если прибавить к этому, что он деловой человек с головы до ног, то согласишься, что это идеал, сокровище!

— И главное, обещает сделаться хорошим мужем.

— Ну, ну! — Клавдия зевнула и протянула на ковер свои хорошенькие ножки. — Как кому?

— Знаешь ли, когда женщина отзывается о мужчине так, как ты сейчас отозвалась о нем, — развязка недалеко.

— Будто бы?

— Да; ты под видом насмешки набросала очень лестный портрет. Если бы ты действительно хотела представить его в карикатуре, ты бы описала его не так. Ты бы сказала, например, что у него длинный нос, толстые губы или лысина на голове; что у него визгливый голос, что он без толку хохочет, не умеет держать себя в гостинной, что он наступает дамам на платье, не умеет сказать ничего остроумного. Да мало ли можно подметить смешных сторон. А то вдруг, видите ли, нашла какие недостатки: что он общий любимец, блесстит в обществе, умел составить себе карьеру — одним словом, прослыл за молодого человека, подающего большие надежды. И кого вы хотите этим надуть — вы, барыни? Да вас хлебом не корми, давай вам только красная, шаркуна, разумеется, ловкого шаркуна, а не какого-нибудь парикмахера. Лоску требуется ровно настолько, чтобы пошлость уж не слишком проглядывала. Да, впрочем, что я говорю. Вы и парикмахером не побрезгуете: все-таки лишний поклонник.

Денис отчаянно махнул рукой. Сестра с сожалением поглядела на него.

— Старые раны еще не зажили, — проговорила она чуть слышно.

Но у брата был тонкий слух.

— Оставь их, Клавдия. К чему тут личности. Я говорю вообще. Это мое убеждение. Стало быть, уж выработалось такое, а как выработалось — до этого никому нет дела.

Он помолчал и потом прибавил:

— Женщин уважать нельзя. Всякий здравомыслящий человек кончит тем, что придет к этому убеждению.

— Полноте, господа. Все вы у нас в руках. Кто нас не уважает, тот нам поклоняется.

— Скорее упаду в ноги золотому тельцу, чем женщине.

— Да это само собою. Одно другому не мешает. У вас ведь середины нет. Вы либо в грязь нас топчете, либо на мраморный пьедестал ставите. Это скучно. Оттого-то меня и не пленяют ваши пламенные взоры. Я хорошо знаю им цену.

— Вот как! А завтра господин Любарский объяснится в любви, и завтра же Клавдия Васильевна будет воспевать блаженство вдвоем.

— Говорят, что этот адвокат влюблен в меня; кажется, меня даже прочат ему в невесты, но... Тут много разных «но». Конечно, мне очень приятно понравиться всякому, только не ему.

— Весьма многозначительная фраза.

— Да, смейся, Денис, а мне совсем невесело. Господин Любарский играет у нас в доме какую-то странную роль.

— А например?

— Как бы тебе сказать. Да вот хоть бы это. Объясни мне, пожалуйста. На той неделе был у нас обед. Мама, разумеется, ищет популярности, папа говорит спичи. Все как следует. Все наши обычные посетители налицо, есть и новые лица. Недостает только господин Любарского, а он, надо тебе заметить, последнее время сделался у нас совершенно домашним человеком. Как-то не в порядке вещей, что его нет на званом обеде. Разумеется, спрашивают: а что же наш милейший Михайло Константинович, где он пропадает? Что его давно не видать? Вдруг папа принимает вид убийственной холодности и объявляет, что он его ред-

ко видит, а потому не имеет удовольствия знать, как он поживает. Мама — та просто и говорить не хочет о нем. Странно как-то это. Человек только накануне был у нас, играл с папашей в домино, с нами со всеми любезничал, и вдруг говорят, что его давно не видали. Но представь себе потом мое удивление. Как ты думаешь, где он был во время этого самого обеда?

— Почем я знаю?

— Он был у нас. Он просидел все время в конторе. От кого он скрывался, я не знаю. Думаю, что не от папа и не от мама, потому что им было известно его присутствие. Папаша даже в продолжение вечера два раза заходил к нему. Спрашивается, от кого же он прятался? От гостей?

— Что за вздор!

— Однако это — факт.

— Случай, больше ничего. Он, верно, был занят, да, наконец, не хотел присутствовать на этом официальном обеде. Это со всяким бывает, что просто на лицо человеческое не хочется взглянуть. Чувствуется потребность быть одному.

— Хорошо. Зачем же было сочинять, будто его целые два месяца не видали и будто он у нас совсем не бывает? Тоже случай? Наконец, слушай, вот еще что: вчерашний день у нас опять был обед и опять повторилась старая история. Гости спрашивают: что же наш милый Михаил Константинович? Хозяева ничего знать не знают, ведать не ведают. Я встаю из-за стола, иду в свою комнату и в коридоре встречаю господина Любарского. Это тоже случай?

— Да, это странно:

Денис пожал плечами.

— У нас с некоторого времени в доме все странно.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Смирнова Софья

ОГОНЕК

Ответственный редактор *М. Смылова*

Художественный редактор *В. Лебедева*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *А. Асанова, Н. Быкова*

Верстка *Ю. Фролкина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.06.2026.

Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура «Lazurski».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 2000 экз. T-LNM-42381-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
расту туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

